

ЭЛЕАНОР РИГБИ

*От ненависти
до любви нужно...*

**ВСЕГО ОДНО
ЛЕТО**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
P49

Печатается с разрешения
Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U.
и агентства Nova Littera SIA

Русификация обложки *Елены Лазаревой*

Ригби, Элеанор.

P49 Всего одно лето / Элеанор Ригби ; [перевод с испанского С. Д. Прокопец]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Романтика летних ночей).

ISBN 978-5-17-167760-2

Дасиль ненавидит Тьяго всем сердцем.

Для Тьяго Дасиль — худший кошмар во плоти.

Не стоит лезть в их конфликт, если не хотите, чтобы каникулы закончились катастрофой.

Айрам, брат Дасиль и лучший друг Тьяго, уже пять лет терпит бесконечные споры и скандалы.

Мечтая о тихом летнем отдыхе, он решает все взять в свои руки. Даже если придется заставить их поверить, что они тайно влюблены друг в друга.

Теперь Дасиль окончательно запуталась. А Тьяго, кажется, начинает что-то понимать.

И СКОЛЬКО ПРАВДЫ СКРЫВАЕТСЯ ЗА БЕЗОБИДНОЙ ЛОЖЬЮ?

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

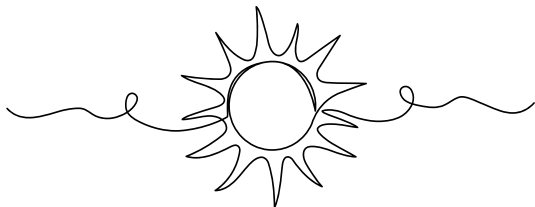
ISBN 978-5-17-167760-2

© 2022, Eleanor Rigby
© 2022, Penguin Random House
Grupo Editorial, S. A. U.
© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2026

Для Лу,
единственного человека,
по вине которого я полностью,
безоговорочно и бесповоротно
влюбилась в Тенерифе.
Без тебя не было бы ни этой книги,
ни моей победы над страхом
перед самолетами

ГЛАВА 1

К северу через северо-запад



Тиаго

Мои бедные бедра втиснуты в худшее место, которое только может быть, когда садишься в самолет Binter, — прямо рядом с двигателем. Передо мной парочка голубков предается ласкам, а по правую сторону от меня спит какой-то парень, перебравший с алкоголем. Наверняка он страдает от аэрофобии и представляет себя эдакой версией Миленди¹, дабы пережить этот полет, хотя, думаю, даже музыкальный король запяtnал бы свои трусы, если бы летал на этих алюминиевых самолетах. Будто и этого мало, у меня не перестают копиться сообщения от Селии в облаке уведомлений на экране телефона, который уже настолько растрескался от бесчисленных падений, что кажется, будто его используют в качестве разделочной доски.

Честно говоря, мне сейчас приходит в голову единственное, что куда страшнее прочего, — а именно то, что меня ждет по прибытии на Тенерифе. Или, будет точнее сказать, та, кто меня ждет.

— Мой мальчик.

¹ Миленди — испанский музыкант; перебрав с алкоголем, устроил дебош на борту самолета, из-за чего пилот принял решение вернуться спустя два часа после взлета. (Прим. пер.)



Вот и стюардесса с улыбкой на лице предлагает мне оружие для выживания в этом полете: пластиковый стакан воды и шоколадку Tirma. Я вежливо принимаю их, но кто-то должен сказать сотрудникам Vinter, что для такой пытки гораздо больше подошли бы шот Jägermeister и печенье с цианидом — так, на всякий случай.

Или пуля в ногу.

За неимением под рукой ничего получше для того, чтобы отвлечься от неминуемой смерти, которая нас ждет в случае аварийной посадки, я опустошаю стакан и откусываю кусочек от шоколадки. Так экипаж просит прощения за то, что везет тебя в аэропорт Лос-Родеос, загнав при этом в смертельную ловушку.

Если сдохнешь — ну хотя бы не на голодный желудок. Ты еще жаловаться вздумал, а, парень?

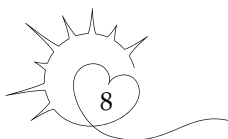
Мне ненавистен маршрут, который Айрам всегда заставляет меня проделывать: из Мадрида на Гран-Канарию, чтобы пересечься с его друзьями, которые учатся там, а затем с Гран-Канарии на Тенерифе.

Голос Лейри доносится с переднего кресла одновременно с щелчком ремня, который она наверняка застегивает дрожащими пальцами.

— По правде говоря, даже немного нервничаю.

Эта пассажирка в кресле 23В, также известная как девушка моего лучшего друга, зубрила с пятого курса медицинского факультета, родом из Памплон¹. Тот, кто пользуется прелестями Лейри — такими, как ее параметры 90/60/90 или глаза, подобные тем, что у куклы Нэнси, — сидит прямо рядом с ней. Помимо того что Айрам — тот еще счастливчик, он к тому же еще и отчаянный смельчак, ну либо настоящий канарец. Только истинный любитель путешествий с Vinter мог отказаться от приятной 45-минутной прогулки на пароме в пользу неконтролируемого полета над Атлантикой.

¹ Памплон — столица автономной области Наварра на севере Испании. (Прим. пер.)



Хотя, если честно, паромы тоже далеко не яхта Билла Гейтса.

— Они тебя полюбят, — обещает Айрам, крепко сжимая ее руку. — Признаю, моя семья весьма своеобразная. Тебе придется набраться терпения, но они порядочные.

— По крайней мере, большинство из них, — добавляю я вполголоса. — Бизнес с бунгалом, которым владеет твой отец в Адехе, таковым назвать сложно.

Как и его брак. Сомневаюсь, будто на острове есть хоть одна душа, которая не в курсе, что он сейчас спит с аспиранткой из Университета Ла-Лагуны. Даже его дети, одна из которых, кстати, учится там же. «Та самая», кто, надеюсь, останется в северной части острова, заперевшись в своей студенческой квартире. Подальше от меня, насколько это возможно, чтобы избежать падения в Атлантический океан.

Хотя... А что, если бы она упала в Атлантический океан?

— Но мы вряд ли будем часто видеться с отцом. Сейчас туристический сезон в самом разгаре, и он днями напролет в разъездах, следит, чтобы все шло как по маслу.

— Значит, будем проводить время с его мамой, Хименой. — Я опираюсь локтями на их кресла и заглядываю с хитрой ухмылкой, которую Айрам мгновенно окидывает осуждающим взглядом. «Не провоцируй меня, я тебя знаю», — читается в его глазах. — Ничего страшного не случится, если будешь держать свой кошелек при себе. Единственное, что Химена любит больше, чем играть в покер, — это натравливать домочадцев друг на друга, вытягивая из них последние копейки.

Лейри, замешкавшись, смотрит на Айрама.

— Кстати, я тут вспомнила. Ты же говорил, что твоя мама немного увлекается азартными играми?

«Немного»? Да она фанатка покера, язычница, поклоняющаяся картам. Не назвал бы ее лудоманкой, поскольку она воспринимает выигрыши куда более серьезно, нежели свою работу. Хотя нет, ее работу и так никто всерьез не воспринимает. Несмотря на то что



у нее были небольшие роли в паре венесуэльских теленовелл — ведь она удочеренная Орамас, — ее талант... мягко говоря, сомнителен. За исключением случаев, когда она блефует в покере. За это она, кстати, могла бы получить «Оскар».

— Ты не волнуйся, — спешит успокоить Айрам. — Просто скажешь ей, что у тебя в кошельке всего пятьдесят евро и ты не можешь больше ставить, поддайся ей, и дело с концом.

Точно, ведь так и нужно делать. Подкармливать монстра, подливать масло в огонь.

— К тому же с нами будет моя бабушка. Это немного приведет ее в чувство. Моя мама уважает бабушку прямо как самого Бога.

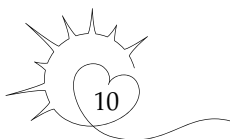
— С нетерпением жду встречи с твоей бабушкой, — признается Лейри, наверное представляя в это время свою собственную. — Она наверняка просто душка.

Очевидно, Лейри еще не довелось столкнуться с бабушкой с острова Гомера. Уже предвкушаю ее лицо, когда она попытается ее поцеловать, а Канделария схватит ее за косу и скажет, что «подобное у них в доме не практикуется». У них в доме привыкли к холодному закону, играм в молчанку и допросам с пристрастием, однако последнее применяется только в экстренных случаях, когда ее десерты волшебным образом исчезают.

— Просто душка, ага, в лучших традициях Гомера... — добавляю тихим голосом.

Айрам предупреждает меня взглядом еще раз, и это уже четырнадцатая его просьба за этот рейс.

Каким-то образом, непонятным мне, он надеется успешно познакомить Лейри со своей семьей, вопреки всякой вероятности того, что она станет его женой, будучи университетской девушкой. И это не мои слова, а статистика (хотя, по-моему, я достаточно компетентен в вопросах, касающихся лучшего для моего друга). Девушка, с которой встречаешься в восемнадцать, — это девушка, с которой встречаешься в восемнадцать, а не мать твоих детей. У подобных парочек нет будущего.



Что меня удивляет еще больше? Он словно хочет скрыть, что его семья будет без остановки сводить Лейри с ума на протяжении всех праздников. Никогда не испытывал мук совести за чужую пару, но если уж и пришлось бы, то точно не стал бы указывать ей на минное поле и уверять, что все будет хорошо.

Айрам не из тех, кто расчищает путь. Кажется, он уверен: Лейри достаточно сильная, чтобы это выдержать, насчет чего у меня есть серьезные сомнения. Лейри кажется, будто ей все по плечу, ведь она выбралась из своего Наваррского городка, мечтая учиться в столице, но есть кое-что, к чему даже Мадрид не способен подготавливать.

И это бабушка с Гомера, как я уже говорил.

— С кем мне доведется еще познакомиться?

Она пока не подозревает, что чем больше спрашивает, тем больше закапывает себя.

— С моим дедушкой Мануэлем.

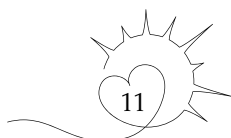
— А чем он занимался?

Этот вопрос позволяет Айраму перевести дух. Временная форма подобрана идеально — она дает возможность честно ответить, что тот и делает:

— Он занимался строительством самых эксклюзивных отелей в районе Лос-Кристианос.

Спроси она его, кем он работал или чем занимался позже, ответить студентке меда с ее строгими стандартами было бы куда сложнее.

Не имею ничего против Менсея Гуанчи Мануэля Орамаса, Истинного Сына Вулкана, впрочем, как и режиссер документальных фильмов на канале La 2, ведь он посчитал его идеальным кандидатом, чтобы облачить в набедренную повязку и заставить рассуждать о канарских аборигенах. С ним что-то приключилось, поскольку он исчез, планируя воздать почести богине Чаксиракси на Виргинских островах, а затем вернулся с гангреной на ноге — ведь он ни разу не удосужился заглянуть в больницу после того, как его искусал рой разъяренных пчел.



Но дедушка Мануэль — мужик что надо, и не сомневаюсь, что он поделится с Лейри своей обширной мудростью о племени гуанчи, а ее у него хоть отбавляй.

— Также будет мой дядя Хайме, вечный холостяк, — размышляет Айрам вслух. — Каждое лето он привозит новую женщину, и каждая оказывается страннее предыдущей.

Про дядю Хайме мне сказать нечего. Разве что в старости хочется быть таким же, как он.

— А еще моя тетя Хана. Она фанатка гороскопов... Впрочем, не только их. Она подхватывает вообще все духовные течения, которые появляются. В основном потому, что ее подруга в это все вовлечена и заражает ее своими хобби.

— Тетя Хана сейчас в той самой юношеской фазе, когда люди впитывают все, что видят, — осторожно добавляю я.

— А еще будет девочка, которая появилась у них пару лет назад, Маргарита...

— Это та, про которую ты говорил, что она единственная женщина, на чьи сообщения Тиаго всегда отвечает? — Лейри бросает на меня лукавый взгляд.

— Я всегда отвечаю на сообщения.

— Да, но как ибупрофен: раз в восемь часов. Не раньше — вдруг инсульт случится.

— Это неправда.

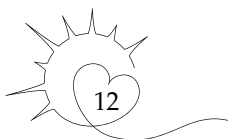
Лейри приподнимает брови — те самые брови, которые выдают, что она вовсе не натуральная блондинка.

— Может, позвоним Селии и спросим?

— Селией займусь я сам, дорогая. И если она продолжает писать мне — значит, ее не так уж беспокоит моя периодическая задержка с ответами. — Показываю ей экран своего телефона, Лейри с усмешкой смотрит на трещины.

— Как этот хлам вообще еще работает? В любом случае уверена, что у нее есть проблемы, Тиаго, некоторые женщины просто не умеют вовремя остановиться.

Затем она поворачивается к своему парню, протягивает ему руку и тот с воодушевлением берет ее.



— Мне кажется очень милым, что у тебя такая большая семья. А еще милее, что ты позволяешь нам с Тиаго стать ее частью.

Она в восторге оттого, что сможет угодить в пасть льва, познакомиться с сумасшедшей, но безумно веселой семьей, с которой моему другу так повезло. Я ее понимаю. Я сам встал бы перед пулей ради каждого из них.

— Тиаго — уже давно ее часть. — Карие глаза Айрама ищут мои. — Сколько летних и Рождественских каникул ты провел с нами?

— Недостаточно, чтобы привыкнуть к Binter. Все? Ты закончил с описаниями? — И без того ясно, что он приберег самое интересное на потом. Или наша звезда вечеринки в этом году не соизволит почтить нас своим присутствием?

Я спрашиваю это, безразлично глядя в окно. Не хватало еще, чтобы кто-то подумал, будто мне это хоть немного важно.

Самолет начал движение по взлетной полосе, готовясь взмыть в небо. Единственное, что меня утешает, — если разобьемся, мне не придется с ней встречаться.

— Что ты подразумеваешь под «приберег самое интересное»?.. Ах, понятно! — Айрам качает головой, раздраженный этим намеком. Но нервирует его не то, что упомянули ее, ведь он любит свою «звезду вечеринки» до беспамятства. Его бесит то, что ее упомянул именно я.

— Да, конечно, моя сестра Да тоже там будет.

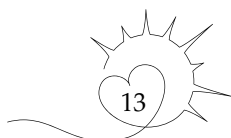
— Твоя сестра Да! Как же мне хочется с ней познакомиться! — Нежная улыбка Лейри превращается в довольную, а может, даже немного озорную. Мне даже кажется, что она хитро смотрит на меня.

— Особенно после того, как ты рассказал, что она единственный человек, способный вывести Тиаго из себя.

— Моя сестра — прелесть, — защищается Айрам.

— Среди змей, — добавляю я.

— Ты несправедлив! И просто постоянно говоришь о ней гадости. Она тебе сразу понравится. Да очень энер-



гичная, невероятно смешная и готовит лучший уругвайский десерт на Канарах.

— Уругвайское полвито — это тот самый знаменитый десерт? Я не особо люблю сладкое.

— Очень жаль, — с драматизмом вздыхаю я, — ведь это значит, что ты не сможешь насладиться единственным плюсом в общении с Дасиль.

— Не начинай, — предупреждает Айрам, приподнимая брови. Я поднимаю руки в знак капитуляции.

— И не собирался — ведь если начну, то уже не остановлюсь.

— Мне интереснее твое мнение, — вмешивается Лейри. — Понятно, что родной брат расплывется в комплиментах. Но что думает названный брат?

Что я думаю? Думаю, что Дасиль — это то самое гнилое яблочко, которое портит весь фруктовый ящик, та, по чьей вине мои идеальные летние каникулы в окружении людей, с которыми невозможно заскучать, никогда не бывают по-настоящему идеальными, потому что мне приходится терпеть ее выходки.

Говорят, ее имя связано с легендой о принцессе Дасиль, но единственное, что в ней от принцессы, — это эгоцентризм и непостоянство. Если бы Дасиль принадлежала к настоящей монархии, я бы вступил в анархистский союз. И слава богу, что она всего лишь простолюдинка, ведь окажись у нее хоть капля власти, мы бы жили в диктатуре на хлебе, воде и вареных яйцах. Или, что еще хуже, в авокадо-диктатуре — ведь это ее любимая еда.

Как вообще можно быть столь яркой фанаткой авокадо?

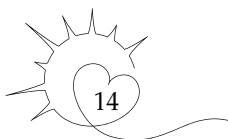
— Если бы мы действительно оказались родственниками, наша история была бы историей Каина и Авеля.

Лейри приподнимает брови.

— Кто бы кого убил?

Мне даже не нужно думать над ответом.

— Она — меня. И ей хватило бы для этого просто язычка от консервной банки.



— И тебя это удивило бы? — фыркает Айрам. — Напомню, что ты испортил ей свидание, взяв ее телефон и отправив от ее имени кучу гадостей.

— Только потому, что она сделала фото топлес и отправила его моей тогдашней девушке, — продолжаю рассказывать Лейри, единственному человеку в этом квадрате, который способен оценить ситуацию объективно. — Причем написала Селии так, будто просто ошиблась и на самом деле хотела отправить эту фоточку в мой мужской групповой чат.

Лейри кивает мне в знак победы.

— Ты выглядел одновременно и как изменщик, и как мерзавец.

— Именно.

— Почему бы тебе не рассказать всю историю? — восклицает Айрам. — Это же ты первым начал подбрасывать ей мертвых тараканов в комнату, зная, что она их боится до смерти!

— Ты серьезно сейчас будешь ее защищать после такой дешевой выходки?

— Тиаго, у меня есть тысяча причин защищать ее. Радуйся, что я начал с тараканов.

— Ладно, но мне не сложно кинуть ответку. Сходу напоминаю, что на день рождения твоей бабушки Дасиль поручили сказать мне, чтобы я забрал торт. Она мне не передала это сообщение, дабы я выглядел идиотом, а еще заодно испортила праздник Канделарии.

А этого я ей никогда не прощу, потому что Канделария заслуживает только лучшего.

Айраму не остается ничего, кроме как замолчать.

— Весь праздник обернулся катастрофой только потому, что Дасиль не захотела, чтобы мне поручили столь благородную миссию, — продолжаю я, глядя на Лейри. — Хотя, как по мне, все дело в банальной ревности. Но кто бы ей вообще что-то поручил, если у нее ноги как у утки, руки-крюки и язык без костей? Если бы ей доверили принести торт, она бы умудрилась уронить его с обеих сто-

